

Новый мировой порядок и современная славистика

Олег Федосов (Будапешт)

Аннотация

Существуют мнения, что мир переживает глубочайший кризис старого мирового порядка, на смену которому приходит порядок новый. За последние 25 лет исчезла та двухполюсная мировая система, которая возникла в конце 2-й мировой войны и носит название „ялтинской“. Мир из двухполюсного, разделенного *железным занавесом* противостоящих друг другу систем, превратился в многополюсный. Университетское образование в Европе, гуманитарные науки и славистика в частности переживают период больших изменений. В докладе делается попытка рассмотреть ситуацию современной славистики на фоне глобальных изменений, происходящих в мире вообще, и в центрально-европейском регионе, в частности. Приводятся примеры подхода к изучению языковой картины мира и лингвоспецифичности на материале славянской (русской) фразеологии, в частности, указывается на опасность злоупотребления этническими стереотипами.

Ключевые слова

мировой порядок; кризис; межэтнические конфликты; университетское образование; его качество; гуманитарные науки; славистика; фразеология славянских языков; современная паремиялогия; языковая картина мира; этнические стереотипы; опасность национализма

Abstract

The Global World Order and the Modern Slavic Studies

It is suggested that the old world order is in a global crisis now, and during the last 25 years the bipolar "Yalta-system" that existed from the end of the 2nd world war faded away. The modern world is multipolar. The university education in Europe, the humanitarian sciences, the Slavic studies too are in process of changing. The paper deals with the use of 15 Russian idioms in a text representing fiction and journalism. It is shown that the modern Slavic phraseology and paremiology, the study of a "language picture of the world" must not give a reason to abuse the ethnic stereotypes due the danger of nationalism.

Key words

global world order; crisis; interethnic conflicts; university education; the quality of education; humanitarian science; Slavic studies; the phraseology of Slavic languages; modern paremiology; language picture of the world; ethnic stereotypes; the danger of nationalism

Экономисты, политологи, историки, социологи и представители других профессий на Западе и на Востоке в последнее время сходятся во мнении, что мир переживает глубочайший кризис старого мирового порядка, на смену которому приходит порядок новый. Существуют мнения, что за последние 25 лет безвозвратно исчезла та двухполюсная мировая система, которая возникла в конце 2-й мировой войны и носит название „ялтинской“. Мир из двухполюсного, разделенного *железным занавесом* противостоящих друг другу систем, превратился в многополюсный, баланс сил в мире изменился, и начался новый передел мира, сфер влияния и *жизненных пространств*. Девизом нашего времени стал полицентризм.

Нет нужды далеко ходить за примерами: достаточно вспомнить войну и насильственный развал Югославии в 1990-е гг., а также его последствия, длящиеся до сих пор, или украинский кризис последних лет, разделивший российское общество на две части: *на пятую колонну и палату №6*.

События лета и осени 2015-го года, когда уже не только на экранах телевизоров, но на вокзалах, дорогах, улицах македонских, сербских, хорватских, словенских, венгерских и чешских городов появились десятки и сотни тысяч нелегальных мигрантов из Азии и Африки, воочию свидетельствуют о фактах нового передела мира.

И славянский мир сегодня снова оказался в эпицентре глобальных мировых процессов: пока на востоке Украины шла *братоубийственная война* двух славянских народов, на юге Венгрии, на границе со славянской Сербией строился новый *железный занавес*, а многие европейские политики заявляли о том, что не желают видеть свои страны *за колючей проволокой* нового Освенцима/Аушвица.

В то же самое время глубочайший кризис переживают наши старые европейские университеты, а вместе с ними и наша профессия – славистика. Каждое новое правительство постсоциалистических стран, каждое новое министерство образования, новая ректорская конференция и т.д. вот уже 25 лет пытается перекроить старую университетскую систему, но результат пока один и тот же: это *тришкин кафтан* из басни А. Крылова.

Сегодня ни одна кафедра или институт славистики в Центральной Европе не может позволить себе не подчеркнуть в информационном материале для абитуриентов (и для аккредитационной комиссии), что готовит не просто филологов-славистов, а самых что ни на есть широкопрофильных менеджеров не только с глубочайшими познаниями славянских языков, литератур и культур, но и со знаниями маркетинга и экономики, что позволит им потом успешнейшим образом продавать *памперсы и сликеры* на всем пространстве столь привлекательного (для Запада) „славянского“ рынка.

Университетское образование из элитарной области превратилось в то, что в бывшем СССР когда-то называлось *ширпотреб*. В 270-миллионном Советском Союзе всего 5 % населения получало университетское образование, сегодня же в России 88 % школьников-выпускников поступают в вузы. Где остались кон-

курсы по 40–50 человек на одно место в аудитории элитного советского университета? Как выражаются экономисты: университеты производят *человеческий капитал*, производят культуру нации. Возникший сегодня почти всеобщий доступ к высшему образованию привел к его девальвации, к производству подчас низкогокачественного человеческого капитала.

Часто можно позавидовать представителям таких „ясновидческих“ наук, как, например, макроэкономика. На своих экономических кафедрах и в кабинетах национальных банков макроэкономисты рисуют разные модели, которые в своем большинстве никогда не работают, или сочиняют прогнозы и сценарии, которые никогда не сбываются. Они пытаются „научно“ просчитать геополитические и геоэкономические риски, но когда приходит очередной кризис, счет за который оплачиваем всегда мы – простые люди – экономисты просто разводят руками: *мы хотели как лучше, а получилось как всегда*. При этом им продолжают платить хорошие зарплаты и дают много грантов, а вот над нами (гуманитариями) повесили *дамоклов меч* импакт-фактора.

Современная славистика вынуждена отступать и защищаться, постоянно доказывая свое право на *место под солнцем*. А вот нужно ли это? Каждый коллега, проработавший последние 25–30 лет в университетской или академической области в нашем регионе, почувствовал *на собственной шкуре*, что это, выражаясь паремиологически: *как мёртвому припарки*.

Теперь мы перейдем от общих мест к примерам из фразеологии славянских языков, и попытаемся с ее помощью проиллюстрировать, почему и славистика имеет отношение к „новому мировому порядку“.

Как известно, Фразеологическая комиссия при МКС была создана по инициативе Никиты Ильича Толстого на VIII-м Съезде славистов в уже не существующей сегодня на карте Европы стране, в Югославии, в Загребе, а свое сорокалетие в 2018-м г. комиссия будет отмечать на XVI-м съезде совсем в другой стране, в Сербии, в Белграде.

Славянские фразеологи исследуют сегодня множество проблем.¹

Одной из них является вопрос о лингвоспецифичности, который широко дискутируется в нашей науке. А. Н. Баранов и Д. О. Добровольский приводят в своей книге мнение А. М. Бабкина о том, что идиоматика – это „святая святых национального языка“, в которой неповторимым образом манифестируется дух и своеобразие нации. Известные российские фразеологи, однако, считают иначе: „*Априорное закрепление за фразеологией того или иного языка национально специфических черт оказывается при внимательном рассмотрении отнюдь не бесспорным. Против него могут быть выдвинуты возражения как интуитивного, так и теоретического характера*“.²

В предыдущем тексте доклада были намеренно использованы разные типы фразеологических единиц (далее ФЕ) современного русского языка: *железный*

1 См. материалы и отчеты о работе Фраз. комиссии на ее сайте: <http://phraseoseminar.slovo-spb.ru/>

2 BARANOV, A. N. – DOBROVOL'SKIĬ, D. O.: *Aspekty teorii frazeologii*. Moskva: ZNAK, 2008, s. 251.

занавес/жизненное пространство/пятая колонна/ палата №6/ братоубийственная война/ за колючей проволокой/ тришкин кафтан/ памперсы и сникерсы/ ширпотреб/ человеческий капитал/ мы хотели как лучше, а получилось как всегда/ дамоклов меч/ место под солнцем/ на собственной шкуре/ как мёртвому припарки.

Легко подсчитать, что на полутора страницах текста нами было употреблено 15 ФЕ. Подробный анализ всех аспектов значения и употребления только этих фразем и идиом мог бы составить материал обширной статьи и дать повод для многих дискуссий.

Например, моральный раскол российского общества в связи в кризисом на Украине в 2014-м году был метко охарактеризован анекдотом о том, что общество разделилось на две части – на *пятую колонну* („предатели“ национальных интересов, т.е. интеллектуалы, выступившие против присоединения Крыма и поддержки Россией сепаратистов из Донбаса), и „сумасшедшие“ из чеховской *палаты №6*, т.е. люди, ослепленные националистической пропагандой и не видящие трагизм всего происходящего. Первая ФЕ в приведенном контексте – это известный интернационализм со значением ‘тайные агенты врага – шпионы, изменники’ – появилась во времена гражданской войны в Испании в 1930-е годы, и её авторство приписывается франкистскому генералу Е. Мола, утверждавшему, что кроме наступающих на Мадрид четырех колонн есть еще пятая – лазутчики и сторонники Франко, помогающие франкистам в самом Мадриде.³

Вторая идиома – название повести А. П. Чехова „*Палата №6*“ – стало в русском языке нарицательным наименованием для душевнобольных. На просторах Рунета (русскоязычного Интернета) вскоре после появления анекдота можно было найти массу комментариев, связанных с описанной этими идиомами ситуацией, например: „*Между пятой колонной и палатой №6. Представляю взгляд на ситуацию с Крымом и Украиной, взгляд третьей стороны. Мнение повоовавшего человека, знающего ужасы войны и цену человеческой жизни...*“⁴

Специфика фразеологической номинации в данном случае состоит в том, что типичная фразема-интернационализм (фразема иностранного происхождения, известная во многих других языках) и типичная „фразема-русизм“, возникшая в рамках именно русской языковой культуры, вместе создали необходимый смысловой контраст для характеристики резко конфликтной общественной ситуации.

Другой пример из нашего списка фразеологизмов – *мы хотели как лучше, а получилось как всегда* – это лингвоспецифичный неологизм из т.н. „черномырдинок“, т.е. крылатое выражение, афоризм, авторство которого принадлежит бывшему премьер-министру РФ между 1992 и 1998 гг. В. С. Черномырдину (1938–2010). Афоризмы Черномырдина уже стали объектом изучения лингвистов, фразеологов и специалистов по лингвокультурологии, т.к. само явление – „черномы-

3 См. *Akademičeskij slovar' russkoj frazeologii*. Pod red. Anatolije N. Baranova – Dmitrije O. Dobrovol'skogo. Izd. vtoroje. Moskva: LEKSRUS, 2015, s. 367.

4 См. напр.: <http://7x7-journal.ru/post/39982>

рдизм“ – и на языковом уровне отражало сложность и противоречивость переходного периода 1990-х годов именно в России.

Но цель наших иллюстраций в другом. Остановимся всего на одном аспекте, на теме „свое и чужое“ в славянской фразеологии, тесно связанной с темой отражения языковой картины мира в национальных фразеологиях.

Из 15-ти использованных здесь ФЕ 10 фразем – это известные и многим другим языкам интернационализмы, включая один библеизм и одну идиому античного происхождения, и всего 5 фразем можно признать национально-специфичными единицами, возникшими на русской языковой почве.

Эти примеры иллюстрируют известный факт, что ядро фразеологического фонда каждого европейского языка – в том числе и языков славянских – содержит как минимум несколько сотен фразем и идиом, известных одновременно и многим другим языкам (что подтверждают и исследования Э. Пиирайнен). Так, например, один из 100 наиболее активных фразеологических библеизмов и одновременно жестовых фразеологизмов *рвать (на себе/ голове) волосы* известен в 62-х (!) языках мира.⁵

Показателен и другой случай из области славянской паремиологии, науки о пословицах. Председатель Фразеологической комиссии при МКС проф. В. М. Мокиенко в своем обширном комментарии к переизданному недавно Оломоуцким университетом словарю пословиц историка чешского языка Вацлава Флайшганса *Česká přísloví*⁶ сам задает и сам же отвечает на вопрос: в чем причина столетнего „заговора молчания“ вокруг этого словаря? Почему не выдерживающий критики с точки зрения современной паремиологии сборник Фр. Челаковского многократно переиздавался и превозносился в оценках на протяжении 150 лет как в самой Чехии, так и во всей Славии, а словарь Флайшганса пытались стыдливо спрятать?

Разгадку этого парадокса В. М. Мокиенко видит в общественно-политической и историко-культурной ситуации того времени. Словарь В. Флайшганса появился „не вовремя“, на пороге 1-й мировой войны. А развитие паремиологии конца XIX – начала XX века, наоборот, во многом питалось тогда идеями „национальной особенности“, и идея „народного духа“ витала над головами далеко не только славян.

Словарь, в котором был наглядно доказан факт, что чешский паремиологический фонд во многом идентичен фонду пословиц немецких, не имел никаких шансов на популяризацию и переиздание ни после 1-й, ни после 2-й мировых войн в Чехословацкой республике.

Другое дело – панславистское „Мудрословие“ Челаковского! Перефразируя известные строки А.С. Пушкина из пролога к „*Руслану и Людмиле*“, можно воскликнуть: „Там дух Славян, там Славией пахнет!“

5 PIIRAINEN, Elisabeth: *Widespread Idioms in Europe and Beyond*. New York – Berlin etc.: Peter Lang, 2012, p. 523.

6 FLAJŠHANS, Václav: *Sbírka přísloví, přřípovědí a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku*. D. 1–2. Eds. Valerij Mokienko – Ludmila Stěpanova. 2. rozšířené vydání. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2013.

В отличие от этого В. М. Мокиенко писал о словаре В. Флайшганса: „Ценность этой книги – прежде всего в том, что в ней чешские пословицы и поговорки даются в полнокровном контексте европейского фольклора малого жанра: здесь представлены параллели из многих славянских языков, а также из немецкого, французского, английского и латыни. Тем самым демонстрируется „европейскость“ чешской народной культуры, её древняя связь с фольклором многих народов Европы, причём не только передаваемым устным путём, но и по глубоким культурным книжным каналам – от Древней Греции и Рима до средневековой и позднейшей литературы.“⁷

Современные исследования по фразеологии или по лингвокультурологии доказывают тот факт, что не существует никакой изолированной от „мирового языкового пространства“, только „своей“, особой, сугубо национально-специфичной фразеологии, отражающей как в зеркале чью-то особую „национальную душу“, она же гумбольдтовско-романтический „дух народа“.

Бесспорно, можно „сконструировать“ т.н. концепт русского АВОСЯ или ТОСКИ, но фактом останется, что любой национальный „кладезь народной мудрости“ – при всей его языковой и лингвокультурной детальной специфичности – под пытливым взглядом филолога-лингвиста окажется скорее „нейронной сетью“ сложнейших переплетений когнитивных и языковых универсалий, чем „отлитым в бронзу памятником личности“ какого бы то ни было народа.

На остравской паремиологической конференции 2002 года, посвященной юбилею Фр. Челаковского, основатель современной чешской школы фразеологии Ф. Чермак говорил по поводу „этнографического“ подхода следующее: „*V paremiologii, nazírané zde lingvisticky jako oblast frazeologie a idiomatiky, se v důsledku poměrně opožděného zájmu lingvistů většina onomaziologických popisů v nejružnějších jazycích stále omezuje na přístupy vzniklé a dominující v podstatě už v 19. století, a to v oblasti etnografické. Zakládají se na postulování několika málo (obvykle 10–20) široce pojatých skupin, pod které se v horším případě musí nějak roztrdit několik tisíc parémii. Teoretická cena takové klasifikace je pro svůj impresionismus a nejasnost z dnešního hlediska nulová.*“⁸

Последний пример того, до какой степени славянские фразеологии являются частью мирового культурно-языкового пространства, может послужить и серьезным предостережением для нас, филологов-славистов. При изучении темы *Ксенофобия во фразеологии* (наш еще не опубликованный доклад для конференции Фразеологической комиссии в Трире, Германия, окт. 2014 г.) мы обнаружили статью одного из корифеев паремиологии, главного редактора журнала *Провербиум*, американского профессора Вольфганга Мидера. В этой статье В. Мидер

7 MOKIJENKO, Valerij Michajlovič: *Paremiologičeskij tezaurus Vaclava Flajšgansa*. In: Slavjanskite ezici otblizo. Sofija, 2013, s. 80–81.

8 ČERMÁK, František: *Onomaziologické systémy u propozic a proverbii*. In: Parémie národů slovanských. Sb. z konference v Ostravě 20.–21. 2. 2002 u příležitosti 150. výročí úmrtí F. L. Čelakovského a jeho Mudroslovi. Ostrava: OSU, 2003, s. 47.

исследовал старую американскую поговорку *The Only Good Indian Is a Dead Indian* : *Хороший индеец – это мертвый индеец*.⁹

Автор указал на необычайную живучесть этого выражения в американском дискурсе по сей день („it is used with surprising frequency in American literature and the mass media as well as in oral speech“).

От наблюдения американского профессора оставалось сделать лишь один шаг в сторону выяснения того, как этот 150-летний пословичный стереотип живет в современном русском дискурсе.

То, что было нами обнаружено в российском интернете, превзошло всякие ожидания: первой трансформацией печально известной американской поговорки *Хороший индеец – это мертвый индеец* на русской почве стал вариант, отражающий рефлексии ко 2-й мировой войне: *Хороший немец – это мертвый немец*.

Далее этнический компонент заменялся с течением времени на *еврей, чечен, грузин, москаль* и т.д. в соответствии с ходом исторических событий недавнего прошлого (например, чеченские войны). Однако, самым настораживающим фактом стала следующая находка: это более полумиллиона вхождений (середина 2014 г.) в российской поисковой программе Яндекс для выражения *Хороший украинок – мертвый украинок*...¹⁰

Очевидно, не в наших силах, не в силах ученых-славистов повлиять на ход мировой политики. Но одно ученые сделать могут: наука не должна давать пищу опаснейшему явлению – национализму, в любых его проявлениях, потому что от него всего один шаг до расизма, шовинизма и нацизма. А тогда уже не останется места ни для науки вообще, ни для славистики.

Литература

- AKADEMIČESKIJ slovar' ruskoj frazeologii. Pod red. A. N. Baranova, D. O. Dobrovol'skogo. Izd. vtoroje. Moskva: LEKSRUS, 2015.
- BARANOV, Anatolij Nikolajevič – DOBROVOL'SKIJ, Dmitrij Olegovič: *Aspekty teorii frazeologii*. Moskva: ZNAK, 2008.
- ČERMÁK, František: *Onomaziologické systémy u prozodice a proverbii*. In: Parémie národů slovanských. Sb. z konference v Ostravě 20.–21. 2. 2002 u příležitosti 150. výročí úmrtí F. L. Čelakovského a jeho Mudrosloví. Ostrava: OSU, 2003, s. 47–54.
- FLAJŠHANS, Václav: *Sbírka přísloví, přísloví a pořekadel lidu českého v Čechách, na Moravě a v Slezsku*. D. 1–2. Eds. V. Mokienko – L. Stěpanova. 2. rozšířené vydání. Olomouc: Univerzita Palackého v Olomouci, 2013.
- MIEDER, Wolfgang: „*The Only Good Indian Is a Dead Indian*“: *History and Meaning of a Proverbial Stereotype*. The Journal of American Folklore, Vol. 106, No. 419 (Winter, 1993), pp. 38–60.

9 MIEDER, Wolfgang: „*The Only Good Indian Is a Dead Indian*“: *History and Meaning of a Proverbial Stereotype*. The Journal of American Folklore, Vol. 106, No. 419 (Winter, 1993), pp. 38–60.

10 Прим.: *украинок* – распространенное русское пейоративное название для украинцев в период российско-украинского конфликта 2014–2015 гг.

MOKIJENKO, Valerij Michajlovič: *Paremiologičeskij tezaurus Vaclava Flajšgansa*. In: Slavjanskite ezici otblizo. Sofija, 2013.

PIIRAINEN, Elisabeth: *Widespread Idioms in Europe and Beyond*. New York – Berlin etc.: Peter Lang, 2012.

Dr. hab., PhDr. Oleg Fedoszov, PhD.

Ústav slavistiky

Filozofická fakulta Univerzity L. Eötvöse (ELTE, Budapest)

Uzoda u.50, H-1173 Budapest, Maďarsko

fedhod@mail.datanet.hu